

В. Зомбарт

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Введение в антологию социологии должно не только разъяснить принцип выбора, но прежде всего — начертить границы, в пределах которых что-либо должно быть выбрано, т.е. оно должно заключать в себе указания на то, что понимается в этой книге под социологией, каковы различные взгляды на сущность социологии, и лишь после этого, в заключение, разъяснить выбор приведенных здесь отрывков.

В порядке дня состоявшегося в октябре 1922 года в Вене «Международного социологического конгресса» заключались, между прочим, следующие вопросы: проблема лиги нации, регулирование прав меньшинств, международное духовное сотрудничество, борьба с валютными кризисами, научная организация международной торговли, экономическое и финансовое восстановление Австрии, критерии для агитации за разоружение, способы борьбы со стачками, международное регулирование эмиграционного вопроса, идея профессий, женские профессии, воспитание женщин применительно к их новым задачам, борьба с социальными ядами, международные постановления, касающиеся евгеники.

Если бы мы пожелали рассмотреть в нашей антологии хотя бы малую часть этих тем — они обнимают безграничную область всей экономической, государственной и социальной политики, — то, очевидно, мы бы немногого достигли, разве если захотели бы наполнить 10 толстых томов. Итак, под социологией в этой книжке понимается совсем иное.

*Текст печатается по изданию: Зомбарт В. Предисловие // Социология / Пер. и предисл. И.Д. Маркусона. Л.: Мысль, 1926.

Само собой разумеется, мы не считаем социологией то, что тот или иной автор выдает за социологию; а, с другой стороны, мы решили включить в свой выбор и те статьи, авторы которых никогда не согласились бы считать их относящимися к социологии; для нас важно существо вопроса.

Под социологией в самом широком смысле слова понимается здесь всякого рода познание человеческого общежития, т.е. человеческой культуры или истории человечества, поскольку эта история рассматривается с точки зрения социальности, т.е. как события, составившиеся из поступков, определяемых чужим поведением или вытекающих из чужого поведения; иначе говоря, установление того, что было, есть или будет, без рассмотрения того, что должно быть, т.е. всякого рода политики.

В этих обширнейших границах социология заключает в себе две существенно различающиеся между собой дисциплины: философскую и научную социологию. Философская социология равнозначна с философией истории. Для нее поэтому (но только для нее) правильно отождествление социологии с философией истории, как это делает Пауль Барт. Тем самым, к этой философской социологии относится всякое учение об обществе, переходящее за границы опыта, как-то: всякого рода теории о «принципах развития человечества», о «сущности» того или иного явления культуры, об «определяющих историю факторах» («материалистическое» или иное «понимание истории») и тому подобные теории, на которых лежит метаисторическая печать (и которые имеют не только отвлеченное (*fiktionistische*) значение, в каком случае они, естественно, согласуются с научной социологией).

Научной социологией или социологией в узком (в собственном) смысле слова (в собственном смысле, ибо для этой дисциплины у нас нет другого названия, кроме социологии, в то время как философская социология может и в дальнейшем существовать просто как философия истории) я называю систематическую опытную науку о человеческом общежитии. Существует ли наряду с историей опытная наука о человеческом общежитии? Выдающиеся ученые, например, Макс Шелер, отрицают это и полагают, что лишь метаисторическое, т.е. философское рассмотрение человеческой культуры даст право на существование наряду с историей отдельной самостоятельной дисциплины, в то время как всякая опытная наука о культуре по необходимости должна раствориться в истории. По моему мнению, они ошибаются. В том именно и заключается задача, чтобы рядом с историей обосновать опытную науку о человеческом общежитии, т.е. научную социологию. Объект опыта для нее, конечно, тот же, что и для истории. Но легко сделать между ними разграничение вследствие различного подхода к объекту.

Исторический подход — это подход к единичному, однократному, социологический же — к повторяющемуся, т.е. к типическому: отсюда — систематичность этой науки. Танненбергское сражение принадлежит истории, но Танненбергское сражение — социологии; Берлинский университет относится к истории, но Берлинский университет — к социологии и т.д. Само собой разумеется, никогда нельзя резко отгра-

ничить друг от друга оба эти метода, и в особенности историки должны постоянно прибегать к помощи социологических категорий. Равным образом, и различие между философской и научной социологией никогда не проводится резко в отдельных исследованиях. Но это не мешает нам для нашей ориентировки, тонко различать эти разные научные возможности. Ибо только таким путем можно внести некоторый порядок в тот хаос, который сейчас господствует на научном рынке под фирмой «социологии».

* * *

Мне хотелось бы прибавить еще несколько слов, чтобы охарактеризовать различные воззрения, которые борются теперь за признание при попытках обосновать самостоятельную дисциплину научной социологии. Мне кажется, что с обычным подразделением социологии на «формальную» и «материальную» мы зашли в тупик и что следует вникнуть в проблему, чтобы достигнуть тех точек, где лежат жизненные центры различных «направлений».

Если мы отрешимся от несерьезных попыток (однако, ежедневно повторяющихся) рассматривать человеческое общество при помощи методов исследования механики или биологии, то, если я не ошибаюсь, имеются два резко противоположных друг другу понимания, и их коренное различие является источником всех тех разногласий, которые раздирают ныне представителей социологии.

Одно течение я назову психологической социологией: она построена на науке о душе, другое же — ноологической: это наука о духе. В этой антологии есть образчики обоих направлений. Нам придется поэтому несколько подробнее рассмотреть их различное существо, ибо фактически всякое понимание социологической проблемы покоится на ясном усвоении противоположности этих двух методов исследования.

Психологическая социология стремится понять человеческую культуру, как совокупность душевных процессов отдельных индивидуумов, находящихся между собой во взаимодействии, и пытается разложить этот комплекс душевных процессов на конечные, простейшие, основные факты душевной жизни. Но эти конечные основные факты — это чувства, инстинкты, склонности, так что человеческое общество кажется им «сплетением склонностей». Но тем самым они ставят человеческую культуру в тесную связь с внешней природой, в которой действуют те же побудительные силы, что и в человечестве (излюбленные аналогии с животными «обществами», само собой разумеющееся происхождение человечества из животного царства!), и рассматривают историю как естественный процесс, подчиняющийся в конечном счете тем же «законам», что и вся вселенная. Это направление можно назвать поэтому и натуралистической социологией.

Поскольку стремления психологической социологии направлены к тому, чтобы построить всю культуру на конечных душевных основных фактах, постольку для нее возникает необходимость разложить также и все объективно духовное на его душевные элементы. Так, язык религия

государство, искусство, хозяйство «разлагаются» на их душевные элементы, доказывається их «происхождение» из душевных процессов, и именно из элементарных душевных процессов, соответственно «природе человека». Следовательно, язык, религия, государство, искусство, хозяйство не существовали, прежде чем их не создали люди: они суть создания индивидуальных, взаимно действующих друг на друга душ.

Вполне логически — конечной целью этой психологической социологии является, на манер естественных наук, номология, т.е. установление общих законов или законов всеобщности, при которой конечными основными факторами являются вышеуказанные элементы. Если же общество разлагается на душевные процессы и основными фактами являются, таким образом, душевные элементы, то отсюда следует, что всякая закономерность имеет психологическую природу, и основными законами являются психологические законы (особенно явственно у Вундта и его школы*). Последовательно, психология — преимущественно в ее естественно-научной разновидности — считается основной наукой также и для социологии.

В этом натуралистическом образе социология впервые проложила себе путь в качестве самостоятельной науки, освободившись путем психологической постановки вопроса от естественно-правовых взглядов на человеческое общежитие. Эти начатки относятся еще к 17-му столетию. В 18-м столетии натуралистическая социология получает почти полное завершение, а в 19-м становится той наукой об обществе, которая победоносно утверждается наряду со старыми государственными науками. Можно сказать, что это направление социологической науки еще до сегодняшнего дня осталось «господствующим»: французские, английские, итальянские и американские социологи примыкают к нему почти без исключений (поскольку они не занимаются философской социологией), так что натуралистическую социологию можно назвать также «западной» социологией, и среди немецких социологов, вернее среди социологов, пишущих на немецком языке, эта школа имеет многочисленных сторонников.

Однако, именно в Германии эта социология нашла самых ожесточенных противников. Желая дать здесь лишь самый общий обзор различных течений внутри современной социологии, я не имею возможности углубиться в проблему и заняться исследованием большей или меньшей обоснованности того или иного направления. Все-таки надо сказать, что критика, которой подверглась психологическая социология, несомненно, основательна. В этом направлении социологии проблема поставлена неправильно. Дух не растворяется в душе, и человеческую культуру нельзя выводить из элементарных человеческих склонностей и побуждений. Поэтому не может быть задачей науки об обществе, по примеру механических естественных наук, объяснять общественный космос движением душевных атомов. Как я уже доказал в своем историческом этюде, крестным отцом этой натуралистически-психологической социологии был Ньютон. Но мы теперь пошли немного дальше, и отдаем духу то, что

* Ср. мой этюд о «Начатках социологии» в книге, посвященной памяти Макса Вебера. 1922.

принадлежит духу, мы не можем поэтому ни в одной науке о культуре, и менее всего в науке об обществе, довольствоваться применением заимствованных у естественных наук методов исследования. Таким образом, критическое отрицание западной социологии вполне законно. Но многие критики зашли дальше цели. Из того, что натуралистическая, господствующая, социология идет по ложному пути, отнюдь нельзя заключить, что не может быть вообще никакой самостоятельной дисциплины, которая занималась бы исключительно значением общественных отношений для человеческой культуры. Но более подробное рассмотрение доказывает, что вполне мыслима социология, — и у нас есть уже многочисленные ростки ее, — которая избегает ошибок натуралистической социологии, ориентируясь на науку о духе (*geistwissenschaftlich*). Но для этого прежде всего требуется, чтобы она сделала предметом своего рассмотрения духовное как таковое, не претендуя на то, чтобы его «разложить» или из него что-либо «вывести», но, с другой стороны, чтобы она признала выдающееся значение социальных отношений и всякого рода духовных зависимостей и высоко ставила исследование таковых. Если великой проблемой истории является: как дух становится душой, то задачей социологии, основанной на науке о духе, будет — изобразить этот процесс как общественный, т.е. как относительный феномен в его типических формах. Итак, цель, которую ставит себе эта ноологическая социология, отлична от цели господствующей социологии, и тем самым отличны и пути, по которым ей надлежит идти.

Здесь будет уместно упомянуть об обычном разделении на формальную и материальную социологию, на что я указал выше. Прежде всего необходимо предостеречь от отождествления изображенной мной противоположности между психологической (западной) и ноологической (немецкой) социологией с противоположением материальной и формальной социологии. Последняя альтернатива или антитеза покоится вообще, думается мне, на недоразумении, или, по крайней мере, тут правильная мысль сформулирована весьма неудачно. Очевидно, противопоставить друг другу можно теорию и эмпирию. Все, что называют формальной социологией, есть не что иное, как выставление теоретических возможностей общественных отношений; напротив, под материальной социологией понимают осуществление таковых возможностей в истории. Я полагаю поэтому, что следовало бы совершенно отказаться от противопоставления формальной социологии материальной и поставить на это место другое противопоставление: теоретическая и эмпирическая социология, дополнив эту антитезу еще одною: общая и специальная социология.

Лучше всего сможем мы понять разницу в существе между психологической и ноологической социологией, если выясним себе их различное отношение к обеим парам антитез.

Оба направления социологии ведут к теории и к эмпирии, оба распадаются на общую и специальную социологию. Но смысл тут различный. При обоих методах исследования теоретическая социология может быть общей; это значит, что и в одной и в другой социологии могут быть вырабатываемы теоретические построения всякого рода возможностей для

отдельных областей культуры и для всех общественных отношений. Ноологическая социология признает подобные общие понятия (как власть, господство и т.д.) и посвящает себя выработке соответственных определений: она выводит их путем абстракции из отношений внутри отдельных культурных кругов. В ноологической социологии уже при теоретическом исследовании придается гораздо большее значение специальным отношениям. Но эта склонность ноологической социологии к специальному становится в области эмпирии исключительным ограничением, специальным. И в этом лежит самое важное различие между обоими направлениями. Ноологическая социология не знает и не может знать общей эмпирии. В то время как психологическая социология ставит именно своей задачей доказать развитие всякой культуры из элементарных душевных феноменов, ноологическая социология далека от такой смелости. Ибо она не признает предпосылки подобного метода исследования: возможности свести к единству всякую культуру. Имея собственным своим объектом обобществление духа, она должна при всякой эмпирии, т.е. при объяснении любого исторического события, подвергать особому исследованию отдельные области культуры, в которых вещественно проявляется дух. В опыте нет какого-либо общего духа, есть лишь дух в специальных областях: религии, государстве, церкви и т.д.; но ни одну область духа нельзя вывести из другой, а тем менее — все из одной. Поэтому, поскольку речь идет об опытной науке, необходимо ограничиться специальным рассмотрением отдельных областей культуры, предоставив синтез философии.

Таково в существенных чертах усовершенствованное немецкое понимание сущности и задачи социологии, в соответствии с этим мы обладаем лучшими социологическими работами в виде монографий по отдельным областям культуры: религии, праву, хозяйству и т.д. и лишь незначительным числом сколько-нибудь годных общих социологий, которыми кишмя-кишит Запад.

Противоположность между обоими направлениями социологии выясняется еще путем рассмотрения различного отношения каждого из них к двум центральным понятиям нашей науки: понятию разумения (*Verstehen*) и понятию закона.

Я назвал понятие разумения центральным понятием нашей науки. Оно и является таковым, ибо наша наука есть наука о культуре. Все помыслы науки о культуре направлены на разумение, т.е. на познание изнутри вовне, в противоположность естествознанию, которое в состоянии лишь понимать (*begreifen*) т.е. познавать извне вовнутрь. Итак, всякая научная социология по своей цели есть «разумеющая» социология. То, чего мы не «разумеем», есть либо философия, т.е. метафизика, либо несовершенная наука. Поэтому и оба направления социологии должны быть рассмотрены с точки зрения их отношения к разумению. Непростительной отсталостью является требование от нас в настоящее время применения к культурным феноменам принципов механики или других естественных наук; это требование вытекает из заблуждения, что лишь естественно-научные методы могли бы дать

нам «истинное» познание, в то время как дело обстоит как раз наоборот: «истинное» познание достигается лишь «разумением», т.е. ограничивается областью культуры и отказывается служить нам в отношении природы.

Но, естественно, разумение различно в обоих направлениях социологии. В одном случае оно психологическое, в другом — ноологическое. Разуметь психологически означает — разуметь душу, и основано на внутреннем чувствовании чужих душевных процессов.

Разуметь ноологически означает — разуметь дух и равнозначает с пониманием смысла и значения.

Равным образом, различны понятия закономерности, которую обе социологии также считают своим центральным понятием. И тут оба направления весьма расходятся между собой. Психологическая социология, как мы видели, своею высшей целью ставит номологию возможно более общей значимости; ее закономерность есть каузальная, а в узком смысле — психологическая; свою закономерность она выводит из принудительной неизбежности душевных процессов.

Ноологическая социология не может стремиться к подобной номологии по известным нам основаниям. Ее целью, напротив, является исследовать внутреннюю закономерность смысла отдельных областей культуры или духа и доказать их значение для проявления духа в истории. Тем самым ее закономерность носит характер рациональный, или, в правильном понимании слова, имманентный. Нет надобности подчеркивать, что в статьях отдельных авторов часто употребляются оба эти понятия закономерности. Да и вообще заимствования между обоими направлениями являются общим правилом даже в лучших произведениях.

* * *

При выборе объединенных в этой книге образцов социологии издателью пришлось, во внимание к ограниченности места, весьма сжать себя.

Прежде всего были включены лишь писатели 19-го и 20-го веков, хотя, как я уже раньше указал и как я попытался подробно доказать в вышеупомянутой статье, начатки современной социологии восходят к 17-му столетию, а 18-е столетие, особенно в Англии, дало нам целый ряд превосходных работ.

Затем исключена была специальная социология, т.е. относящаяся к отдельным областям культуры: социология религии, хозяйства, искусства, права и т.д. Если бы включить эти области в круг нашей антологии, она разрослась бы до огромных размеров.

Но и общая социология могла быть представлена лишь весьма ограниченным выбором. С тяжелым сердцем пришлось исключить многих выдающихся людей. Если бы в нашем распоряжении было хотя бы только вдвое больше места, то были бы приведены такие имена, как Раценгофер, Оппенгеймер, ф.-Визе, Гольдшейд, Бринкман, Альфред Вебер, Гумплович и, несомненно, многие другие.

При выборе я руководствовался, главным образом, мыслью представить отрывки, имеющие принципиальное значение в отношении общих

взглядов и метода. Я полагаю, что педагогическая ценность подобной антологии, которая должна служить не обзором литературы соответствующей области, но руководством для преподавателя при его дискуссии с учениками *de principis*, тем больше, тем заостреннее, так сказать, чем одностороннее и парадоксальнее представлена определенная точка зрения. Быть может, со мной согласятся, что при таком взгляде на вещи для различных комплексов проблем дано слово достойным представителям.

В качестве социологов явно философского оттенка приведены Конт и Шелер*; Конт, хотя и считал себя «позитивистом», обнаруживает себя в своем Курсе, из которого здесь печатается отрывок, чистым метафизиком; Шелер же, который, как я уже указал, относит себя определенно к философской социологии, тем не менее, в своих, всегда интересных трудах много дает и (духовно) научной социологии.

Затем я с особенной обстоятельностью привел трех авторов, которые занимались проблемой закономерности: Тарда, Брейзига и Вундта; все это — представители психологической социологии, из ошибок которых лучше всего, как мне кажется, можно вывести правильные принципы. Такое же всеобъемлющее изложение рациональной закономерности мне неизвестно, иначе я включил бы таковое в качестве соответствующего примера. Лучше всего с нею можно познакомиться по статье Штамлера.

Так же широко я предоставил место проблеме понятия об обществе, на которой лучше всего можно изучить, как показал мне мой опыт, принципиально различные постановки вопроса: Спенсер, Теннис, Штамлер, Гирке и в известном смысле также Уорд разъясняют эту проблему, и к тому же каждый из них в совершенно своеобразной манере.

Образцы определенного социально-психологического метода исследования заключаются в статьях Линднера, Лебона, Зиммеля, который, кроме того, представлен еще особенно ценной, методологически цельной работой о социальной психологии в принципиальном ее значении. В этом эскизе мастер социально-психологического анализа сам начертил границы социально-психологического метода исследования и тем самым представил методологически важный материал для основания духовно-научной социологии.

Эта духовно-научная социология находится еще в начальной стадии своего развития. Ее лучшие достижения заключаются пока в выработке социально-научной типологии; а в качестве образцов таковой я привожу извлечения из Шеффле, Шпанна, Шелера и Макса Вебера.

* Статья Шелера, носящая резко теологический характер, нами выпущена. — *Прим. пер.*